

О героическом подвиге сестры милосердия 105-го пехотного Оренбургского полка Риммы Ивановой, совершённом ею 9 (22) сентября 1915 года близ деревни Мокрая Дуброва под Пинском, русский художник Илья Репин узнал из «газетных передовиц»².

В тот день русские солдаты, увидев, что командир 10-й роты и офицер убиты, вышли из строя и унтер-офицеры, а подразделение осталось без командного состава, дрогнули и начали отступать. Римма, организовавшая перевязочный пункт непосредственно на передовой линии, не могла и в мыслях допустить, что враг ворвётся в окопы и штыками прикончит беззащитных, беспомощных раненых. Девушка с красным крестом на груди и санитарной сумкой на боку поднялась из окопа и с криком — «Солдаты, за мной!» — повела в атаку оставшихся в живых солдат. Солдаты, бежавшие с позиций, остановились и повернули на запад.

---

² Об истории создания И.Е. Репиным картины читайте в следующем номере журнала «На русских просторах» № 4 (47)–2021.

Обогнав Римму, они бежали впереди и прикрывали её своими телами. В атаку поднялись и соседние 9-я и 11-я роты. Рванули вперёд и раненые солдаты, которые могли держать винтовку в руках. Атака русских солдат была настолько стремительной, что враг, не ожидавший такого напора, начал отступать и оставил первую линию укреплений. Русские солдаты продолжали наступление и, не дав опомниться врагу, взяли вторую линию укреплений. Но саму Римму в этот момент ранило осколком снаряда в живот выше бедра. «Сестричку убило!» — этот крик вызвал у русских солдат ещё большую озлобленность. Они набросились на врага и захватили третью линию укреплений.

Санитары, перевязав Римму, быстро понесли её в перевязочный пункт. По пути девушка скончалась, успев прошептать: «Господи, спаси Россию». Подвиг «ставропольской девы», как окрестили Римму Иванову корреспонденты газет и журналов того времени, потряс всю Россию.

* * *

Родилась Римма Михайловна Иванова 15 (27) июня 1894 года в Ставрополе. Отец Риммы — коллежский асессор Михаил Иванович Иванов — был уважаемым в городе человеком. Служил казначеем в консистории Ставропольской и Екатеринодарской епархии, «...за отлично-усердную службу и особые труды» его наградили орденом Св. Станислава 3-й степени и золотой медалью «За усердие» на Андреевской ленте.

Её мать, Елена Никаноровна Иванова (до замужества Данышевская), вела домашнее хозяйство, помогала мужу в его делах, занималась воспитанием детей — сына Владимира и дочери Риммы, готовила их к поступлению в гимназию. Отец и мать гордились начальными успехами детей в учёбе и мечтали дать им хорошее образование.

В Ставрополе было три гимназии — 1-я мужская классическая, две женских — Александровская и Ольгинская. Брат Володя поступить учиться в 1-ю мужскую классическую гимназию в 1900 году. В Александровскую принимали девочек потомственных дворянок. В Ольгинской учились девочки из семей мелких чиновников и мещан. Восьми лет, в 1902 году, Римма поступила в Ольгинскую. Именно ей суждено было прославить Ольгинскую женскую гимназию и её учителей на всю Россию.

Правда, в советские времена чаще вспоминали других её выпускниц. В частности, Ольгу Форш, которая в XX столетии стала

известной писательницей, автором многочисленных исторических романов, повестей, рассказов и пьес. В разные годы в Ольгинской женской гимназии учились Варвара Косенко — организатор большевистского движения на Ставрополе, Мария Вальяно — комиссар народного просвещения Северо-Кавказской республики, Шушаник Манучарьянц — личный библиотекарь председателя Совета народных комиссаров В.И. Ленина.

По рассказам современников Римма была в числе лучших учениц класса. Но по-настоящему она отличалась от своих сверстниц не этим. Одноклассницы любили её за весёлый, общительный характер и отвагу. Вспоминали о происшествии, которое поразило весь город. За несколько дней до окончания гимназии учащаяся молодёжь Ставрополя гуляла около озера в Архиерейском лесу. Римма в нарядном белом платье и модных туфельках тоже пришла к озеру. На мостках, устроенных для ныряния, один молодой человек неожиданно поскользнулся, упал в воду и стал тонуть. Вокруг было много людей, всех охватила паника. Не растерялась только Римма. Она бросилась в воду в своём белом платье и модных туфельках и на глазах изумлённой публики спасла утопающего.

Так впервые в жизни Римма спасла человека. А сколько раз потом на глазах однополчан она вытаскивала с поля боя раненых солдат, прапорщиков. Но сначала под свист пуль перевязывала им раны.

Брат Володя окончил 1-ю мужскую гимназию в 1910 году, и в том же году 18-летний юноша поступил на медицинский факультет Харьковского императорского университета. Его сестра Римма окончила Ольгинскую женскую гимназию в 1912 году и получила аттестат со средним баллом 4,28 и правом преподавать в начальных классах.

Через год после окончания гимназии Римма зашла в фотоателье на Николаевском проспекте Ставрополя и сфотографировалась. Глядя на фотографию Риммы, выполненную в далёком 1913 году, мы видим перед собой девушку хрупкую, миниатюр-

Римма Иванова

ную, небольшого роста. На этой фотографии ей девятнадцать лет. Не одно десятилетие исследователи, пишущие о короткой жизни Риммы Ивановой, размышляют о том, откуда в ней такие скрытые силы. Возможно, от брата Владимира, который в детстве много раз «спасал» Римму от придуманных ею ран. В семье смеялись, когда Володя «лечил» свою любимую сестрёнку. Он был её главным защитником. Тогда никто не мог даже предположить, что, когда начнётся война, Владимир Михайлович Иванов добровольно отправится на фронт, станет полковым врачом, а Римма Михайловна Иванова будет вытаскивать ему раненых с поля боя. Но когда Римма получит настоящее серьёзное ранение, он не успеет её спасти, в чём раскаивался всю жизнь.

После окончания гимназии Римма отправилась в 9-ю земскую школу села Петровского Благодаринского уезда. Учительствовала она недолго: всего один учебный год. Но отзывы о ней, о её работе были самые наилучшие — и от родителей учеников, и от Благодаринского уездного земства. Девушка мечтала поехать в Москву и поступить учиться на экономическое отделение Московского коммерческого института. Брат Володя связывал будущее сестрёнки с медициной, считал, что Римма могла бы стать хорошим хирургом. Но учиться не пришлось. Началась война. Поводом послужило убийство в Загребе сербским националистом наследника престола Австро-Венгрии. При поддержке Германии Австро-Венгрия начала военные действия против Сербии. Россия, будучи союзницей Сербии, 17 (30) июля 1914 года объявила всеобщую мобилизацию. В ответ 19 июля (1 августа) 1914 года Германия объявила войну России, а затем её союзникам — Англии и Франции.

В Ставрополь приходили тревожные вести. В те дни Римма прочитала в газетах Высочайший манифест об объявлении состояния войны России с Австро-Венгрией, подписанный императором Николаем II. Вся Россия была охвачена высоким патриотическим подъёмом. По городам России, в том числе и в Ставрополе, прошли манифестации в поддержку сербских славян и армии. Однажды, возвратившись с манифестации, Римма заявила родителям, что решила записаться в действующую армию сестрой милосердия и идти на фронт. Уговоры родителей о том, что у неё нет медицинского образования, не действовали на неё. Спор Риммы с родителями разрешился сам собой: на Всероссийском съезде председателей земских управ был создан Всероссийский земский союз по лечению больных и раненых воинов. Император Нико-

лай II поддержал решение земского союза о повсеместной организации и оборудовании госпиталей.

В те же июльские дни в Ставрополе был организован губернский земский комитет помощи больным и раненым воинам. Под госпитали по решению губернского правления выделяли помещения учебных заведений. Один из таких госпиталей был открыт в Ставропольском епархиальном училище. Больших средств для оборудования госпиталей у губернского земства, естественно, не было. Был брошен клич, и повсеместно начался сбор пожертвований. Горожане несли постельное бельё, посуду, мебель, кровати, домашнюю утварь. Служащие, учителя жертвовали отчисления от жалования на покупку медикаментов и перевязочных материалов. В храмах открыли места для кружечных сборов: кто копейку, кто две, кто гривенник. Газета «Северо-Кавказский край» регулярно печатала отчёты о сделанных сборах.

Но была и другая проблема: для обслуживания заявленных койко-мест в госпиталях нужен был младший медицинский персонал. Его явно не хватало. 24 июля (5 августа) город облетела новость: Ставропольская городская земская управа и губернское управление общества Красного креста открывают краткосрочные курсы по подготовке сестёр милосердия. На курсы записался 81 человек, из которых было организовано две группы. Римма в числе первых слушательниц. 29 июля (10 августа) — первый день занятий, которые вели ведущие врачи Ставрополя. Занимались по 10–12 часов в день. Это был первый серьёзный урок для Риммы Ивановой: брать по максимуму всё из того, чему учили преподаватели. На занятиях курсистки изучали анатомию и физиологию человека, правила ухода за больными, аптечное дело, разбирали учение о повязках. Квалифицированные врачи-практики читали лекции по хирургии, внутренним, заразным, нервным и душевным болезням. На практические занятия курсисток водили в больницы, военный госпиталь. Их готовили в первую очередь для работы в госпиталях Ставрополя и губернии, а не для фронта.

А тем временем из Ставрополя на фронт отправился Осетинский конный дивизион. Следом ушёл и 83-й пехотный Самурский полк, который, как потом рассказывали очевидцы, вступил в бой под Ивангородом прямо с колёс. 27 августа (8 сентября) 1914 года в Ставрополе в епархиальном училище открыли первый госпиталь, и в город пришёл первый поезд с ранеными. Начались рабочие будни: обходы врача, назначения, перевязки, ассистирование, дежурства. В ноябре привезли раненых из 83-го пехотного

Самурского полка. Римма слушала их рассказы о войне и думала о том, что её место на фронте, что там она будет полезнее. В этом убеждали письма от выздоровевших раненых, которые приходили в Ставрополь на имя сестры милосердия Риммы Ивановой.

Шёл третий месяц войны. В войну с Россией вступила Турция, и в Ставрополь стали привозить раненых с Кавказского фронта. Римма сутками дежурила в госпитале, но все думы были о солдатах 83-го пехотного Самурского полка. Римма, несмотря на уговоры родителей, уехала на фронт в январе 1915 года после формирования в Ставрополе отряда сестёр милосердия под своим именем. «Утверждения некоторых авторов о том, что в Самурском полку длительное время не знали, что Римма — женщина, не состоятельны, — писал доктор исторических наук Н.Д. Судавцов. — Видимо, исходят из того, что вначале в полку она числилась под именем “Римма Михайлович Иванов”. А раскрыли, что это женщина, после того, как настояли снять во время богослужения шапку. А когда она её сняла, то по плечам рассыпались длинные волосы. Все были удивлены. Таким образом, якобы было раскрыто её пребывание в полку инкогнито. На самом деле всё было иначе. Согласно приказу принца Ольденбургского об отборе сестёр милосердия и направления их в войска, она ехала в полк официально и в женской одежде. Поэтому уже в первый же день по приезду сестры милосердия — добровольца Римму Михайловну Иванову принял командир полка полковник К.А. Стефанович».

Родители были очень обеспокоены судьбой дочери, уговаривали её в письмах вернуться домой. Римма писала им с фронта и, как могла, успокаивала их.

«Беспокоиться обо мне нечего, — писала Римма в январе 1915 года. — Я — вне опасности. Наш полковой околодок, где я сейчас несю обязанности, находится всегда за линией огня... К солдатскому костюму и коротким волосам я уже привыкла... Доехала благополучно. Немного переволновалась. Принял меня командир полка очень хорошо. “Коль есть охота, так, пожалуйста, работайте”, — вот его слова. Доктор доволен моей работой и теперь всё настаивает, чтобы я ехала учиться после войны в медицинский институт...»

Командовал полком в те тяжёлые дни 37-летний полковник Казимир Альбинович Стефанович — выпускник Санкт-Петербургской военной прогимназии и Виленского пехотного юнкерского училища. Командиром 83-го пехотного Самурского полка стал в феврале 1912 года. Отмечая воинские заслуги Риммы Ивановой, командир полка Казимир Стефанович писал в донесении:

«Неустанно, не покладая рук, работала она на самых передовых перевязочных пунктах, находясь всегда под губительным... огнём противника, и, без сомнения, ею руководило одно горячее желание — прийти на помощь раненым защитникам Царя и Родины. Молитвы многих раненых несутся за её здоровье к Всевышнему».

В письмах Риммы родителям совершенно иной тон: ни слова о героических буднях и опасностях. В феврале 1915 года она пишет в Ставрополь: «Несу обязанности фельдшера. Моё дело перевязка — и больше ничего. Правда, перевязочный пункт находится недалеко от позиции, но всегда в безопасности — в прикрытом месте. На меня не смотрят здесь, как на женщину, а видят сестру милосердия, заслуживающую большого уважения. Вчера мне было объявлено исполняющим временно командующего полком, что я буду представлена за дела 23–25 февраля к Георгиевской медали на Георгиевской ленте. Только ради бога, никому ни слова. Обед у нас и солдатский очень вкусный... О тепле. — Располагаемся в крестьянских избушках. О переходах. Умею и люблю много ходить... Вернусь к вам здоровая и удовлетворённая. Ведь как приятно сознавать, что в этом большом деле приносишь пользу. Молюсь Богу, чтобы он сохранил моё здоровье. Опасность далеко от меня, её нет». Это выдержка из февральского письма Риммы родителям.

В мартовском письме Римма попыталась объяснить родителям свой поступок: «Причины моего поступления в армию. Вот вам фраза солдатика: “Мы на нашу сестрицу надеемся, дай Бог ей здоровья, чтобы она с нами была”. А почему? Потому что здесь нужны руки, что здесь нужна скорая помощь. О ласке сестры. А думаете, что здесь она не необходима? Ещё как! Пожалуй, ещё больше, чем в госпитале! В день приходит 120–130 человек в околодок. Не надо просить меня уйти. Не каприз же меня угнал сюда и здесь держит, чтобы можно было просить меня уйти отсюда. Мне тяжело, что я принесла вам страдание. Но, милые мои, я не подвергаюсь опасности. Приду к вам здоровой и довольной. Почему вы хотите отнять у меня многое и многое! Если вы вернёте меня домой, то этим принесёте мне большое лишение. Советую вам почаще поглядывать на тех, у которых близкие сидят в окопах с винтовками... Сейчас сижу в халупке в три окна, в комнатах стоят кровати. За столом сидят доктора и батюшка, играют в преферанс. Скоро закусим и ляжем спать...»

Из другого письма: «Господи, как хотелось бы, чтобы вы успокоились. Да пора бы уже. Вы должны радоваться, если любите меня, что мне удалось устроиться и работать там, где я хотела...

Но ведь не для шутки это я сделала и не для собственного удовольствия, а для того, чтобы помочь. Да дайте же мне быть истинной сестрой милосердия. Дайте мне делать то, что хорошо и что нужно делать. Думайте, как хотите, но даю вам честное слово, что многое-многое отдала бы для того, чтобы облегчить страдания тех, которые проливают кровь. Но вы не беспокойтесь: наш перевязочный пункт не подвергается обстрелу... Мои хорошие! Не беспокойтесь, ради бога! Если любите меня, то старайтесь делать так, как мне лучше, а ведь мне лучше так, как я хочу. Если желаете сделать своей дочери добро и счастливой, хоть более или менее, то молитесь богу, чтобы исполнилось моё желание. Вот это и будет тогда истинная любовь ко мне. Жизнь вообще коротка, и надо прожить её как можно полнее и лучше. Помогите, Господи! Молитесь за Россию и человечество».

И в последующих письмах Римма, как могла, берегла родителей. Единственное, чего она не могла, — это писать им о том, как «Самурский полк с дивизионом артиллерии, заняв позицию у деревни Эарковице, в течение двух дней отбивал настойчивые повторные атаки превосходящих сил противника и удержал позицию за собой».

Римма была любимицей солдат и офицеров полка. К ней относились как к сестре. И берегли её. Высоко ценили её способности. Особенно восхищали сослуживцев её смелость и отвага. Девушка появлялась в самых опасных местах, первой приходила на помощь раненым солдатам. Она была для них вроде ангела-хранителя. Однополчане вспоминали, как в боях с австро-венгерскими и германскими войсками в Карпатах Римма вынесла с поля боя раненого прапорщика Гаврилова. За его спасение она получила свою первую боевую награду — Георгиевскую медаль 4-й степени. Георгиевской медалью 3-й степени командование наградило Римму за спасение раненого прапорщика Соколова. Георгиевской медалью 2-й степени Римма была награждена за восстановление повреждённой линии связи. Всех этих наград девушка была удостоена за несколько месяцев воинской службы.

Полковник К.А. Стефанович в телеграмме командиру бригады писал: «...сестра милосердия Римма Михайловна Иванова в форме солдата-санитара совершила с 83 Самурским пехотным полком тяжёлый отступательный марш с боями от самых Карпат, находясь всё время в первых ротах, самоотверженно, неустрашимо работая под огнём, за что была награждена тремя Георгиевскими медалями. По своём прибытии в 105 полк сестра милосердия Ива-

нова сразу с первых боёв выказала чудеса храбрости. Ни просьбы брата-врача, ни мои, ни офицеров полка побережь себя никакого не имели успеха. Каждый бой сестра Иванова уходила с передового перевязочного пункта в передовую линию боя...». Но родители Риммы о ежедневных подвигах дочери ничего не знали.

В июне медсестре Ивановой исполнился 21 год. Командование представило ей краткосрочный отпуск. В августе 1915 года Римма приехала в Ставрополь проведать тяжело заболевшего отца. При встрече с отцом она дала ему слово, что переведётся в 105-й пехотный Оренбургский полк, где полковым врачом служил её старший брат Владимир Михайлович Иванов. Последние письма родителям Римма написала с нового места службы: «Мои хорошие, милые мамуся и папка! Здесь хорошо мне. Люди здесь очень хорошие. Ко мне все относятся приветливо... Дай вам Господи здоровья. И, ради нашего счастья, не унывайте». Оренбуржцы так же, как и самурцы, полюбили новую сестру милосердия, называли её «святой Риммой». 8 сентября 1915 года Римма отправила родителям последнюю весточку от себя и от брата: «Чувствуем себя хорошо! Сейчас спокойно. Не беспокойтесь, мои родные. Целуем. Римма. 8. IX. 15».

А на следующий день 9 (22) сентября 1915 года у села Мокрая Дуброва разгорелся ожесточённый бой. Немцы обрушили на передовые позиции 105-го пехотного Оренбургского полка шквальный огонь артиллерии. После артиллерийского обстрела пехота противника пошла в атаку. На глазах сослуживцев под пулями противника погибали солдаты, убиты два офицера... Девушка едва успевала перевязывать раненых. На какое-то время русские солдаты, оставшись без командиров, дрогнули. С криком — «Солдаты, за мной!» — Римма бросилась в атаку. За сестрой милосердия бежали все, кто способен был держать винтовку в руках. Враг был отброшен. Русские ворвались в окопы противника. Но радость солдат была омрачена: смертельно ранена их медицинская сестричка.

О подвиге отважной девушки писали не только российские газеты и журналы. Публикации о ней появились в английских, немецких газетах. Германские газеты, в частности, опубликовали протест председателя Кайзеровского медицинского Красного Креста генерала Пфюля, который, ссылаясь на Конвенцию о нейтралитете медицинского персонала, заявил, что «сёстрам милосердия не подобает на поле боя совершать подвиги». «Решительный протест» генерала рассматривали даже в штаб-квартире Международного комитета Красного Креста в Женеве.

Солдаты и офицеры 105-го пехотного Оренбургского полка оплакивали гибель Риммы Михайловны Ивановой. По обряду её отпели в церкви села Доброславка близ Пинска, а гроб с телом отправили на родину в Ставрополь. Сопровождал гроб полковой врач Владимир Михайлович Иванов, брат Риммы. Он же составил и медицинское заключение о её смерти: «Сестра Римма убита в 9 часов вечера по взятии 3-й группы немецких окопов. Ранена в верхние части бедра с правого бока, с внутренней стороны, причём раздроблены кости и разнесены мускулы. Санитары принесли тело к церкви селения Доброславки, и здесь было омыто её истерзанное тело, одето в форменное платье с красным крестом на груди и руке, и положено в гроб».

О подвиге отважной сестры милосердия доложили командиру 31-го армейского корпуса генералу Мищенко. В ответной телефотограмме он писал: «Почту долгом ходатайствовать об награждении памяти ея орденом св. Георгия 4-й степени». Командир корпуса, командующий 3-й армией и командующий Юго-Западным фронтом поддержали ходатайство 105-го Оренбургского пехотного полка о награждении Риммы Михайловны Ивановой орденом св. Георгия 4-й степени. О подвиге героини доложили императору. Ходатайство военных о награждении сестры милосердия Р.М. Ивановой поставило императора в затруднительное положение. Римма не была офицером, не дворянского происхождения, у неё не было воинского звания. Она числилась добровольцем. Но «командир полка приравнял... сестру милосердия Р.М. Иванову к офицеру, ведущему роту в атаку», — писал доктор исторических наук Н.Д. Судавцов.

И Николай II сделал исключение из правил о статуте ордена: 17 (30) сентября 1915 года он подписал именной Указ о награждении сестры милосердия Риммы (в Указе она ошибочно названа Миррой. — Н. Б.) Михайловны Ивановой орденом св. Великомученика и Победоносца Георгия IV степени. 18 сентября (1 октября) 1915 года Петроградское телеграфное агентство направило в редакции российских газет и журналов официальное сообщение о подвиге сестры милосердия 105-го пехотного Оренбургского полка Риммы Михайловны Ивановой и о награждении её офицерским орденом св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени.

22 сентября (5 октября) 1915 года на имя губернатора Ставропольской губернии Б.М. Янушевича из действующей армии пришла телеграмма: «Государь Император 17 сентября соизволил почтить память покойной сестры милосердия Риммы Михайлов-

ны Ивановой орденом Святого Георгия 4-й степени. Сестра Иванова, невзирая на уговоры полкового врача, офицеров и солдат, всегда перевязывала раненых на передовой линии под страшным огнём, а 9 сентября, когда были убиты оба офицера 10-й роты 105-го Оренбургского полка, собрала к себе солдат и, бросившись вперёд вместе с ними, взяла неприятельские окопы. Здесь она была смертельно ранена и скончалась, оплакиваемая офицерами и солдатами... Корпус с глубоким огорчением и соболезнованием свидетельствует уважение семье покойной, вырастившей героиню — сестру милосердия. О чём прошу сообщить родителям и родным, жительствоующим на ул. Лермонтовская, 28. Командир 31-го армейского корпуса генерал-адъютант Мищенко».

Известие о гибели Риммы Ивановой потрясло небольшой Ставрополь. В городе в те годы проживало около пятидесяти тысяч жителей и все практически знали друг друга. В дом по Лермонтовской, где жили родители, шли письма и телеграммы со всех концов России. На похороны Риммы Ивановой, как писали газеты того времени, вышел весь Ставрополь. Во главе похоронной процессии шли ставропольский губернатор Бронислав Янушевич, преосвященный епископ Александровский Михаил, духовенство, представители городской Думы, местного дворянства. Процессия прошла от железнодорожного вокзала по Николаевскому проспекту, затем, свернув на Воронцовскую улицу, мимо Ольгинской женской гимназии, где гроб с телом Риммы Ивановой встретили гимназистки и преподаватели. Затем процессия прошла по Романовской (ныне улица Ленина) мимо 1-й мужской гимназии. Траурная процессия сделала остановку на Лермонтовской улице напротив дома, где жили родители Риммы Ивановой. И, наконец, гроб внесли в Андреевскую церковь. Газета «Северо-Кавказский край» писала: «Редкое, небывалое в Ставрополе торжество представляла собою процессия перенесения праха девушки-героини, Риммы Михайловны Ивановой, со станции Ставрополь в Андреевский храм, где уже уготовано ей место последнего упокоения... Шествие тронулось от вокзала в 8 ½ часов утра, и гроб внесён был в Андреевский храм в 12 ¼ часов дня». Божественная литургия по Римме Ивановой была завершена в половине третьего по полудни. А на следующий день под оружейный салют её похоронили на территории Андреевского подворья».